

ПУШКИН БЕЗ ПЪДЕСТАЛА

Жизнь, любовь и свобода
главного поэта России

и
Татьяна Янгаус

Татьяна Янгаус

**Пушкин без пьедестала:
Жизнь, любовь и свобода
главного поэта России**

«Автор»

2026

Янгаус Т.

Пушкин без пьедестала: Жизнь, любовь и свобода главного поэта России / Т. Янгаус — «Автор», 2026

Что мы действительно знаем о Пушкине — и сколько в привычном образе придумали для него последующие эпохи? За школьными цитатами и памятниками легко потерять живого человека: поэта, который дружил и соперничал, писал под надзором, искал свободу, любил и зависел от денег, издателей и цензуры. Эта книга отделяет документальную историю от мифа и показывает Пушкина в контексте его времени: от детства и лицейского круга — к ссылке, зрелому творчеству, браку и последнему году. Письма и стихи здесь читаются с учетом обстоятельств, а спорные события — без сенсационных версий и поиска одного виновника. Вы увидите, как рукописная слава давала влияние и несла риск, как надзор и быт влияли на работу, а свобода становилась не лозунгом, а сложным выбором. Книга для тех, кто хочет понять классика, а не повторять готовые оценки. Она поможет увидеть за памятником человека, а в знакомых произведениях — новые смыслы. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Янгаус Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Человек за памятником: как складывался пушкинский миф	6
Происхождение и детство: семейные корни, языки и мир дворянской России (1799–1811)	10
Царскосельский лицей: дружба, взросление и рождение поэта (1811–1817)	14
Петербургская молодость: первая слава, вольные стихи и политический риск (1817–1820)	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Татьяна Янгаус
Пушкин без пьедестала: Жизнь, любовь
и свобода главного поэта России

Пушкин без пьедестала: Жизнь, любовь и свобода главного поэта России
Татьяна Янгаус

Человек за памятником: как складывался пушкинский миф

В школьном коридоре стоит гипсовый Пушкин. Под ним — табличка с годами жизни, рядом — стенд к очередной памятной дате. На уроке звучит знакомое: «Мой дядя самых честных правил...» Кто-то произносит строки без запинки, кто-то шепчет соседу, что уже всё это проходил. Пушкин присутствует повсюду — и именно поэтому его легко не заметить. Он появляется раньше, чем успевает стать человеком: готовый портрет, обязательная цитата, имя на карте, памятник на площади.

Бронза тут ни в чём не виновата. Памятник напоминает, сохраняет, собирает вокруг себя память. Проблема начинается, когда он подменяет собой того, кому поставлен. Тогда поэт превращается в безошибочный голос нации, а его стихи — в набор торжественных формул. Чтобы снова услышать живого Пушкина, не нужно сбрасывать его с пьедестала. Достаточно выяснить, кто и зачем его туда поднял.

Сначала был живой человек — и уже потом памятник

Пушкин стал знаменит ещё при жизни. Его обсуждали, им восхищались, с ним спорили, за ним следили. Одни видели в нём нового русского поэта, другие — опасного вольнодумца, третьи — блестящего светского человека, который умеет писать стихи. Он не был невидимым автором, чьё значение открыли лишь после смерти. Но живая известность редко бывает удобной: современник противоречив, сегодня говорит одно, завтра поступает иначе, не совпадает с тем, что от него ждут.

После смерти всё меняется. Биография получает завершённую форму, а последнее событие — смерть — начинает словно бы объяснять всю предшествующую жизнь. Пушкин становится не только автором произведений, но и героем истории о поэте, свободе, власти и судьбе. Разные эпохи будут рассказывать эту историю по-разному.

Это не значит, что всякое почитание — обман, а всякая легенда — сознательная ложь. Миф часто складывается из реальных фактов, повторяемых так настойчиво и избирательно, что они начинают выглядеть единственно возможной картиной. В этой картине есть правда, но нет всей правды.

Три слоя одной смерти

Применим простой приём: разделим рассказ на три слоя — событие, свидетельство современника и позднейшее толкование.

Первый слой — событие. 27 января 1837 года по старому стилю, то есть 8 февраля по новому, Пушкин был смертельно ранен на дуэли с Жоржем Дантесом. Через два дня, 29 января (10 февраля), он умер в своей петербургской квартире на Мойке. Его отпевали в Конюшенной церкви, а похоронили в Святогорском монастыре. Порядок церемоний и место отпевания менялись; власти следили за передвижением тела и старались не допустить превращения похорон в массовое политическое собрание.

Этого уже достаточно, чтобы увидеть напряжение эпохи. Дуэль была личной драмой, связанной с оскорблением, репутацией и жестоким светским кодексом чести. Но она происходила не вне политики. Пушкин находился под надзором, его произведения проходили цензурный контроль, а его отношения с двором были одновременно отношениями покровительства и зависимости. При этом известные документы не доказывают, что дуэль была политическим убийством или результатом тайного заговора. Сложность обстоятельств — не разрешение на произвольный вывод.

Второй слой — свидетельство современника. Поэт Василий Жуковский был другом Пушкина и одним из тех, кто рассказывал о его смерти публике. Именно с ним связывают

слова: «Солнце нашей поэзии закатилось!» Они появились в печати вскоре после смерти поэта. Это не бесстрастная запись очевидца, а скорбная метафора человека, который потерял друга и одновременно пытается выразить значение утраты для страны.

Так свидетельство уже превращает событие в смысл. Жуковский не просто сообщает: Пушкин умер. Он говорит: погасло солнце. Это чрезвычайно сильный образ — и именно поэтому он живёт дольше, чем подробный протокол. В нём есть правда чувства, но он не отвечает на все исторические вопросы. Близкий друг может быть точен в одних обстоятельствах и не знать других; скорбь способна прояснять значение потери и одновременно сглаживать неудобные детали.

Третий слой — позднейшая интерпретация. В последующие десятилетия смерть Пушкина стали описывать как гибель поэта от рук светского общества, как жертву несправедливой власти, как мученическую развязку истории о свободном художнике. В таких рассказах есть важные вопросы: насколько опасной была цензура, как работали придворные связи, почему оскорбления и вызовы на дуэль считались способом защиты чести? Но поздний образ иногда уверенно отвечает там, где источники оставляют место сомнению. Особенно соблазнительна версия, в которой каждый факт складывается в готовый заговор. Она драматична, но драматизм ещё не доказательство.

Это упражнение можно применить к любой известной истории о Пушкине. Сначала спросить: что именно произошло и когда? Затем: кто это засвидетельствовал, насколько близко к событию и с какой позиции? Наконец: когда и зачем возникло привычное толкование? Между фактом и легендой обычно нет пропасти. Есть переходы, которые полезно замечать.

Каждой эпохе нужен свой Пушкин

Вскоре после смерти поэта его наследие стали собирать и печатать. Но читатель получал не весь архив, открытый и разложенный по столу. Произведения отбирались, редактировались, проходили цензуру; письма, черновики и незавершённые тексты не сразу становились общим достоянием. Посмертное издание — важная часть истории литературы, но это также работа отбора. Одни строки становятся известными, другие остаются в рукописях; одни стороны характера видны, другие почти не попадают в публичный образ.

Государству тоже нужен был Пушкин. После возвращения поэта из ссылки Николай I объявил себя его личным цензором. Формула выглядит почти как знак особого доверия — император лично читает стихи. Но она же означает контроль: доступ к публике зависит от власти. Позднее из такого отношения можно было создать удобный рассказ о государе-покровителе и великом поэте. В нём проще умолчать о ссылках, надзоре и конфликтах, чем объяснить, как именно покровительство ограничивало свободу.

В 1880 году в Москве открыли памятник Пушкину работы Александра Опекушина. Его создавали на общественные пожертвования, и торжества вокруг открытия стали большим событием не только официальной, но и литературной жизни. Пушкин всё заметнее представал как национальный поэт — фигура, принадлежащая уже не одному кругу читателей.

Знаменитая речь Фёдора Достоевского на пушкинских торжествах предложила особое прочтение поэта: Пушкин был для него свидетельством особого призвания русской культуры, её способности понимать другие народы и соединять разное. Это было не единственное возможное толкование, а сильная мысль конкретного писателя в конкретную эпоху. Однако именно яркие интерпретации часто и становятся частью памятника. Отныне рядом с Пушкиным стоит не только бронзовая фигура, но и идея: он будто заранее предсказал, какой должна быть Россия.

В 1859 году критик Аполлон Григорьев сформулировал: «Пушкин — наше всё». Фраза оказалась удивительно живучей. Но она не означает, что Пушкин буквально вместил в себя всё русское или что все читатели всегда соглашались друг с другом о его значении. Скорее, это

выразительное признание масштаба его присутствия в литературе — и одновременно приглашение присвоить поэта себе.

В советское время такое присвоение получило новый размах. Особенно заметным стало столетие со дня смерти Пушкина в 1937 году: поэта широко чествовали, издавали, изучали, вводили в массовое образование. Его называли создателем современного литературного русского языка, поэтом свободы и национальным классиком. В этих определениях есть прочная основа: Пушкин действительно преобразил русскую литературу и расширил её выразительные возможности. Но школьная формула неизбежно короче исторической реальности. Она может представить вольнолюбивого автора без его зависимости от цензуры, дворянина — без его привилегированного положения, сложного человека — без его резкости, тщеславия и болезненного самолюбия.

Массовая культура закрепляет образ быстрее любого учебника. Пушкин встречается нас на площадях, в названиях улиц, на открытках, в школьных постановках и рекламных цитатах. Повторяемая строка становится почти пословицей. Иногда она помогает открыть стихотворение, иногда закрывает его: кажется, будто знакомая фраза уже всё объяснила.

Не разоблачать, а различать

Когда мы снимаем с Пушкина бронзу, есть риск заменить один удобный портрет другим. Вместо безупречного гения получится «разоблачённый» человек, которого судят по меркам сегодняшнего дня. Это тоже упрощение. Историческая среда важна не как оправдание любого поступка, а как способ понять, какие возможности и ограничения видел перед собой человек.

Пушкин был дворянином и пользовался преимуществами своего положения. Он зависел от придворной политики и одновременно стремился к независимости. Он писал о свободе, но не оставил нам простого политического манифеста, пригодного для всех эпох. Он был великим поэтом, но не был круглосуточным оракулом: его письма могли быть и остроумными, и язвительными, черновики — неровными, поступки — противоречивыми. Черновик не следует принимать за окончательное признание, а письмо другу — за нейтральный отчёт. Даже самый личный текст адресован кому-то: автор выбирает, что сказать, каким тоном и с какой целью.

Попробуйте небольшое упражнение. Возьмите любую привычную цитату Пушкина, которую часто произносят отдельно от стихотворения. Найдите полный текст. Прочитайте, что стоит до и после знакомых строк; установите дату и адресата, если они известны. Затем запишите три коротких ответа: что в стихотворении сказано буквально; что мы привыкли в нём слышать; какие другие смыслы открывает контекст. Не обязательно выбирать между «правильным» и «неправильным» прочтением. Задача — увидеть разницу между словами автора и тем, что позднее с ними сделали.

Можно провести такой же опыт с биографическим эпизодом: не смешивать официальный документ, рассказ участника и пересказ, созданный десятилетия спустя. Уточнить, что именно источник подтверждает, а чего он не подтверждает. И оставить на странице честное «мы не знаем», если оно точнее эффектного ответа.

Это не холодная игра в разоблачение. Напротив, такой подход возвращает литературе её живую температуру. Когда мы видим, как человек выбирает слова, спорит с обстоятельствами, ошибается, меняется или не может выйти за пределы своей эпохи, стихотворение перестаёт быть надписью на постаменте. Оно снова становится поступком — обращённым к кому-то, произнесённым в определённое время и всё ещё способным встретиться с нашим временем.

Памятник сообщает: перед нами великий поэт. Биография и документы помогают понять, что именно стоит за этим словом. Они не обязаны уменьшать восхищение. Скорее, они избавляют его от необходимости притворяться, будто великий человек должен быть безупречным. Пушкин важен не потому, что его можно превратить в идеальный символ, а потому, что созданные им произведения выдерживают встречу с настоящей жизнью — его собственной и нашей.

Теперь, когда за бронзовым профилем снова проступил человек, можно отступить ещё дальше — к началу его истории. Не к готовому национальному поэту, а к мальчику, который родился в дворянской семье, рос среди языков, книг и правил своего мира. Чтобы понять, как складывался Пушкин, прежде чем его начали создавать потомки, нужно вернуться в Россию его детства.

Происхождение и детство: семейные корни, языки и мир дворянской России (1799–1811)

Французская книга раскрыта на столе, а из соседней комнаты доносится русская речь: бытовая, напевная, с присказками и словами, которых не встретишь на страницах учебника. Это не описание засвидетельствованной сцены из детства Пушкина — такой сцены никто не записал. Скорее, это карта возможного мира московского дворянского дома конца XVIII века, где языки, как и люди, встречались не по расписанию. В одном доме ребенок мог услышать французскую беседу взрослых, русскую речь домашних, стихи, семейные предания и сказку, рассказанную перед сном.

Так начинался мир Александра Пушкина. Не с готового гения и не с чудесного озарения, а с дома, в котором переплетались разные языки, социальные привычки и семейные истории. Чем внимательнее мы смотрим на это переплетение, тем осторожнее следует быть с красивой формулой: будто будущий поэт уже в детстве был заранее обречен стать великим.

Дом в Москве, семья в движении

Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве 26 мая 1799 года по старому стилю — 6 июня по новому. Обычно место его рождения связывают с домом майора Скворцова на Немецкой улице. Это была Москва, где дворянские усадьбы соседствовали с торговыми рядами, церквями, дворами и переулками, а европейская мода и местный городской уклад давно научились уживаться бок о бок.

Отец поэта, Сергей Львович Пушкин, принадлежал к старинному дворянскому роду; мать, Надежда Осиповна, была внучкой Абрама Петровича Ганнибала — военного инженера африканского происхождения, служившего при Петре I. В семье росли также старшая сестра Александра Ольга и младший брат Лев. Этот круг открывал ребенку двери к книгам, образованию, столичной культуре и знакомствам, недоступным большинству его современников. Но дворянское имя не означало автоматического богатства и беспечной жизни. У семьи были имения и родственные связи, однако материальное положение не всегда было устойчивым, а дворянская принадлежность налагала собственные обязанности и ожидания.

Пушкинская родословная была частью семейного самосознания, но не волшебным ключом к характеру поэта. Старинные дворянские роды обычно рассказывали о службе предков государю и сохраняли память о своей знатности. Ганнибаловская линия была иной — историей заметного возвышения благодаря службе и личным способностям. Абрам Петрович Ганнибал, родившийся в Африке приблизительно в конце XVII века, оказался в России и сделал карьеру военного инженера и государственного служащего. Подробности его ранней жизни известны не одинаково надежно, а поздняя семейная традиция со временем обросла яркими подробностями. Но главное сомнения не вызывает: человек африканского происхождения занял высокое положение в Российской империи, и его потомки вошли в дворянскую семью.

Эта история могла придавать семейным разговорам особый масштаб: прошлое здесь было не только перечнем русских родов, но и памятью о переходе между мирами, о службе, покровительстве и социальном подъеме. Однако мы не знаем, что именно маленький Александр слышал об этом и как понимал. Позднее Пушкин проявлял большой интерес к истории семьи, но нельзя переносить взрослое любопытство назад, в детскую комнату. Происхождение создает контекст, а не предписывает судьбу.

Французский и русский — не две отдельные комнаты

В образованной дворянской среде французский был языком чтения, светского общения и переписки. Французская литература входила в домашнее образование; дворяне обсуждали европейские книги, подражали французским манерам, использовали французскую речь как

знак образованности и принадлежности к определенному кругу. Отец Пушкина был знаком с литературой и участвовал в культурной жизни; его дядя Василий Львович Пушкин был известным поэтом. Литература, таким образом, существовала не только где-то далеко, в столице или учебном заведении, но и рядом — в семейных разговорах и домашней библиотеке.

Отсюда выросло устойчивое утверждение, что маленький Пушкин якобы сначала говорил только по-французски. Повторять его как установленный факт не стоит: достоверных свидетельств, которые позволили бы восстановить раннее развитие речи Пушкина во всех подробностях, нет. Кроме того, сама формула «французский у родителей, русский у прислуги» слишком проста. Языковая жизнь дворянского дома была подвижнее. Люди могли менять язык в зависимости от собеседника, темы или ситуации; русский звучал не только в комнате прислуги, а французский не был исключительно языком книг.

Попробуем мысленно составить карту этого дома. В одной ее части окажутся взрослые родственники, разговоры о делах и литературе, чтение и светские нормы. Здесь особенно заметно присутствие французского, хотя и русский не исчезает. В другой части — детское окружение, домашние заботы, прислуга, устная речь, рассказы и песни. Русский язык был важной частью этой повседневности, но и здесь нет оснований воображать замкнутую «народную» комнату, никак не связанную с остальной семьей. Ребенок слышал не языки из учебника, а голоса близких и домашних, каждый из которых занимал свое место в общем устройстве дома.

Наконец, есть третий слой — обучение. Пушкин до поступления в Царскосельский лицей в 1811 году получал домашнее образование. В дворянских семьях к детям приглашали наставников и учителей, но подробная программа ранних занятий Пушкина известна фрагментарно. Поэтому точнее говорить не о безупречно восстановленном учебном плане, а о среде, где были доступны языки и книги, а затем — формальное образование. Слышать язык, читать на нем и свободно на нем писать — разные умения; без документов нельзя уверенно приписывать ребенку каждое из них в конкретном возрасте.

Такой взгляд полезен и за пределами пушкинской биографии. Когда мы пытаемся понять, как формировался человек, стоит спросить не только «что он знал?», но и «кто с ним говорил?», «какие тексты лежали рядом?», «в каких ситуациях звучал тот или иной язык?». Развитие речи и мышления происходит в общении, а не от одного лишь присутствия книги на полке. Но исторические источники не всегда позволяют услышать это общение напрямую. Иногда они показывают только его обстановку.

Бабушка, Захарово и взгляд на деревню

В детстве Пушкин бывал в подмосковном имении Захарово, принадлежавшем его бабушке по материнской линии, Марии Алексеевне Ганнибал. Поездки туда относят к годам примерно с 1805-го по 1810-й. Для городского ребенка это был другой ритм: пространство усадьбы, деревенские дороги, сезонная жизнь, близость природы и людей, чья повседневность отличалась от московской.

Но Захарово не было нейтральной картинкой «русской природы», куда мальчик попадал вне общества. Усадьба существовала внутри крепостного строя. Для владельцев и их детей деревня была местом отдыха и хозяйственной жизни; для крепостных — местом труда и несвободы. Это различие важно удерживать, даже когда речь идет о самых теплых воспоминаниях. Позднейшее представление о Пушкине как о поэте, который будто бы естественным образом «вырос из народа», стирает социальную дистанцию его детства. Он мог слышать русскую устную речь и узнавать деревенский быт — но делал это из положения дворянского ребенка.

Бабушка Мария Алексеевна была одной из важных взрослых фигур в раннем семейном кругу. Воспоминания и биографические свидетельства связывают ее с заботой о детях и с Захаровым. Однако и здесь следует различать близость к семье и подробное знание ее отношений: мы не располагаем ежедневной хроникой, в которой были бы записаны ее разговоры с внуком,

его вопросы или ее ответы. Перед нами не стенограмма семейной жизни, а несколько сохранившихся следов — и позднейшие попытки соединить их в связный рассказ.

Захарово можно представить не как место, которое «объяснило» поэта, а как один из первых опытов иного пространства. В городе и в усадьбе звучали разные голоса, менялись занятия и впечатления. Позже Пушкин мог возвращаться к отдельным местам памяти, но это еще не доказывает, что в детстве он уже воспринимал их как материал для будущих стихов. Детское впечатление не обязано сразу становиться литературой. Иногда оно просто остается в памяти, пока взрослая жизнь не придаст ему новое значение.

Арина Родионовна: близость и неравенство

Среди взрослых, связанных с детством Пушкина, особенно заметна няня Арина Родионовна. Она родилась в 1758 году и принадлежала к крепостным людям семьи. В семейном доме ее положение определялось не только личными отношениями с детьми, но и общественным порядком: она была женщиной, чья жизнь и труд зависели от дворянских хозяев. Позднее память о ней часто превращалась в теплую легенду о хранительнице народной мудрости. Тепло этой памяти не нужно отвергать, но важно не забывать о неравенстве, внутри которого возникала близость.

Связь Пушкина с няней подтверждается прежде всего свидетельствами более позднего времени. В 1824 году, находясь в Михайловском, он писал брату о вечерах, когда слушал сказки Арины Родионовны. В стихотворении, обращенном к няне, назвал ее «подругой дней моих суровых». Эти строки говорят о глубокой привязанности взрослого Пушкина и о важности няни в его жизни. Но они не являются дневником младенческих лет. Поэтическая память — настоящая, однако она неизбежно смотрит на прошлое из точки, куда поэт пришел уже взрослым.

Мы также не располагаем записями сказок, сделанными Ариной Родионовной для маленького Пушкина. Нельзя уверенно сказать: вот именно этот сюжет она рассказала ему, а позднее он просто перенес его в литературное произведение. Устный рассказ — не готовая рукопись, которую остается переписать. Он меняется от исполнения к исполнению, зависит от слушателя и обстоятельств. Позднейшая работа Пушкина с народной традицией была сложной: услышанное, прочитанное и литературно переработанное могло соединяться, но точный путь каждого сюжета часто остается неизвестным.

Здесь особенно легко впасть в красивое упрощение: французские книги будто бы дали Пушкину форму, а няня — народную душу. Такая схема удобна, но она делит живого ребенка на две половины. В действительности его окружала более сложная культурная среда. Семейная книга не отменяла устную речь, сказка не исключала письменную литературу, а дворянское происхождение не мешало интересу к русскому языку. Позднее Пушкин сумел соединить то, что в его эпоху нередко разводили по разным полкам. Но это не значит, что в детстве такое соединение уже было осознанной программой.

Как не сделать из детства легенду

Чтобы читать биографию внимательнее, полезно раскладывать сведения на три слоя.

Первый слой — подтвержденное. Пушкин родился в Москве в 1799 году; его родители были Сергеем Львовичем и Надеждой Осиповной; он принадлежал к дворянской семье; бывал в Захарове; Арина Родионовна была его няней; в позднейших письмах и стихах он выражал к ней привязанность.

Второй слой — вероятный исторический контекст. В доме дворянской семьи были доступны французская культура и книги; рядом с ними существовала русская повседневная речь; ребенок жил в обществе, где воспитание было связано с домашним обучением, трудом слуг и крепостным порядком. Этот контекст помогает понять условия детства, но не сообщает, что именно происходило в конкретный день.

Третий слой — поздняя интерпретация и миф. К нему относятся рассказы о том, что Пушкин уже в раннем детстве был готовым поэтом, что он «сначала говорил только по-французски» или что все его будущее творчество напрямую вышло из сказок няни. В этих версиях могут быть крупинки правды, но без оговорок они превращают предположение в факт.

Можно проделать такое упражнение и с собственной семейной историей. Возьмите одно яркое предание о предке или детстве родственника и запишите рядом: что подтверждают документы; что правдоподобно с учетом времени и места; что семья пересказывает, но проверить пока не может. Это не способ обесценить память. Напротив: он помогает увидеть, как память живет — и где она начинает достраивать прошлое.

Пушкинское происхождение и детская среда многое объясняют, если понимать «объясняют» не как «предопределяют». Он рос среди книг, языков и разговоров; имел доступ к домашнему образованию и связям образованного дворянского круга. Одновременно он жил в обществе жесткой сословной иерархии, где его преимущества были связаны с положением семьи, а свобода других людей ограничивалась крепостным правом. Возможности и ограничения существовали рядом, хотя принадлежали разным людям.

К 1811 году перед двенадцатилетним Пушкиным открывался путь в Царскосельский лицей — недавно созданное учебное заведение для будущих государственных служащих. Такой путь был доступен немногим и не вытекал сам собой из родословной: за ним стояли обстоятельства, семейные решения и новая образовательная возможность. Детство не написало за Пушкина его будущие стихи. Оно дало ему первый сложный мир — дворянский и русскоязычный, европейский и домашний, книжный и устный, устроенный на неравенстве, но полный культурных пересечений. Теперь из этого мира он выходил к сверстникам, учебе и жизни вдали от семьи: начинался лицейский период, в котором детские связи уступят место дружбе и взрослению.

Царскосельский лицей: дружба, взросление и рождение поэта (1811–1817)

Осенью 1811 года двенадцатилетний мальчик входит в длинный коридор здания, где ему предстоит провести следующие шесть лет. За спиной — дом и родители; впереди — незнакомые преподаватели, строгий распорядок и несколько десятков сверстников, которым тоже нужно привыкнуть жить не по семейным правилам. Среди них — Александр Пушкин. Пока ещё не автор «Руслана и Людмилы», не национальная слава и не бронзовый профиль в учебнике. Просто один из мальчиков, которому предстоит научиться не только писать стихи, но и быть собой среди других.

Так начинается история, которую позднее будет удобно превратить в красивую легенду: будто в Царском Селе поэт расцвёл сам собой, словно цветок в оранжерее. Но лицей не был волшебной теплицей. Это была школа с учебниками, проверками, распорядком, усталостью, соперничеством и дружбой. Он не «создал» талант Пушкина — зато дал ему то, без чего талант нередко остаётся частным занятием: собеседников, первых читателей и возможность увидеть, как его слово действует на других.

Коридор, который стал домом

Императорский Царскосельский лицей открылся 19 октября 1811 года. Дата приведена по старому стилю; именно так она вошла в память лицеистов и в русскую литературу. Здание прежде предназначалось для членов императорской семьи, но его приспособили для нового учебного заведения. Идея лицея была практической: дать дворянским юношам основательное образование и подготовить их к государственной службе.

Первый курс составили тридцать мальчиков. Пушкину было двенадцать лет. Среди его товарищей оказались будущий поэт Антон Дельвиг, поэт и переводчик Вильгельм Кюхельбекер, Иван Пущин, которому предстояло стать юристом и декабристом, будущий дипломат Александр Горчаков, морской офицер Фёдор Матюшкин. Это не были заранее распределённые роли в спектакле о великом поэте. Каждый пришёл со своим характером, семейной историей, способностями и будущим.

Важна сама форма жизни. Лицей был закрытым учреждением: мальчики учились и жили под одной крышей, подчиняясь общему режиму. Семья переставала быть единственным повседневным миром. На её место приходили класс, спальня, лестница, коридор, прогулка, столовая. Здесь невозможно было каждый вечер исчезнуть в одиночестве и забыть о товарищах: они видели друг друга за уроками и после них, в удаче и в дурном настроении. Такая близость могла утомлять, но именно она превращала случайных одноклассников в сообщество.

Закрытая школа не делает всех друзей — и лицей не был исключением. Однако она создаёт редкие условия для длительного общения. В течение шести лет одни и те же люди наблюдали, кто лучше пишет, кто спорит убедительнее, кто умеет разрядить напряжение, а кто предпочитает слушать. В этом смысле лицей был не только образовательным учреждением, но и ежедневной лабораторией отношений.

Практика читателя. Вспомните группу, в которой вы долго учились или работали. Не только тех, кто был на вас похож, но и тех, кто раздражал, смешил или заставлял точнее формулировать мысли. Запишите три качества, которым вы научились благодаря соседству с этими людьми. Иногда среда развивает нас не потому, что все вокруг согласны, а потому, что рядом есть разные способы думать.

Учиться — значит готовиться к жизни, а не только к поэзии

Лицейский курс был широким. Лицеисты занимались русским и иностранными языками, историей, географией, математикой, физикой, риторикой, философскими и правовыми дисципли-

плинами. Важное место занимала подготовка к государственной службе: образование должно было не просто украсить молодого дворянина, но и дать ему инструменты для будущей работы. Были и занятия, связанные с физическим развитием и практическими навыками.

Преподаватели не были безликим фоном. Александр Куницын вёл дисциплины, связанные с правом и нравственными науками; Николай Кошанский преподавал риторику и словесность; Александр Галич занимался философскими предметами. Для Пушкина это были не только люди, выставявшие оценки. Они задавали язык, на котором можно было рассуждать о законе, истории, литературе и достоинстве человека. В особенности важна была риторика: мысль нужно не просто иметь, но и строить, проверять, выражать так, чтобы её понял другой.

Отсюда не следует, что каждый урок был для Пушкина восторгом. Его школьные успехи не дают оснований представлять его одинаково сильным во всём. В литературной области он обнаруживал особую живость, но лицей не был комнатой, где все занятия уступали место стихам. Нужно было справляться с разными предметами, выдерживать расписание, учиться и там, где не тянуло к вдохновению. Поэту тоже приходится проходить через скучную задачу, чужой текст и замечание преподавателя.

Современная психология развития подчёркивает значение подростковой среды: в этом возрасте человек особенно внимательно примеряет разные варианты себя и ищет признания у сверстников. Лицейская жизнь не была научным экспериментом, но её устройство помогало Пушкину получать постоянную обратную связь. Стихотворение можно было показать, услышать чужую оценку, увидеть, что удалось, а что пока звучит как подражание. Это не магия. Это практика в присутствии аудитории.

Круг голосов

Чтобы понять лицей, полезно на время убрать Пушкина из центра кадра. Вокруг него были не статисты будущей биографии, а люди с собственными голосами.

Дельвиг — тонкий, сдержанный поэт, ценивший ясность формы и классическую меру. Кюхельбекер — человек более порывистого, высокого склада, увлечённый литературой и общественными идеями. Пущин был близким другом Пушкина; его образ в позднейших воспоминаниях связан с верностью и сердечной простотой, но он был не только «другом великого поэта», а человеком собственной решимости и убеждений. Горчаков выбрал дипломатическую службу и в итоге стал одним из самых известных дипломатов России. Матюшкин связал жизнь с морем и дальними плаваниями. Их дальнейшие судьбы разошлись далеко — от дипломатических кабинетов до ссылки и морских экспедиций, — но в лицейские годы они жили в одном общем времени.

Литература была частью их повседневности. Юноши пробовали силы в стихах, сравнивали строки, читали написанное друг другу, учились не только сочинять, но и выдерживать чужой взгляд. Для Пушкина особенно важно было, что его слова встречали не равнодушную пустоту. Товарищ мог похвалить, поспорить, заметить удачное место или отнестись к нему с насмешкой. Так возникал первый читательский круг — не поклонники, а люди, которым можно было показать черновик.

Ключ к этой среде — не один «гениальный» голос, а хор. Пушкин учился слышать различие: как одна мысль становится лёгкой и точной у одного автора, напряжённой и торжественной — у другого. Такое соседство не уничтожало индивидуальность. Напротив, оно делало её заметнее: чтобы обрести собственную манеру, нужно сначала понять, чем ты отличаешься от тех, кого уважаешь.

Практика читателя. Выберите три текста — стихотворения, песни, эссе или короткие выступления — написанные разными людьми на близкую тему. Для каждого отметьте: какой у автора ритм, что он считает важным, на кого рассчитывает. Затем напишите пять-шесть предложений на ту же тему своим голосом. Не пытайтесь сразу быть оригинальным. Сначала услышите чужие голоса — потом станет яснее, где начинается ваш.

Первые публикации и один знаменитый экзамен

Первые опыты Пушкина появились в печати ещё во время учёбы. В 1814 году в журнале «Вестник Европы» было опубликовано его стихотворение «К другу-стихотворцу»; автор обозначил имя так, что оно читалось как загадка. Этот факт важен не потому, что перед нами уже безупречный мастер. Скорее, он показывает начало пути: юношеская работа выходит из тетради к незнакомому читателю. Между «я написал» и «это прочитали другие» появляется новая дистанция — и новая ответственность.

Особое место в лицейской памяти занимает публичный экзамен 8 января 1815 года. По воспоминаниям лицеистов, на нём присутствовал старый Гавриил Державин, а Пушкин прочитал «Воспоминания в Царском Селе». Сцена стала одним из главных эпизодов пушкинской биографии: пожилой поэт узнаёт талант молодого, а юный автор оказывается перед лицом литературной традиции.

Здесь необходимо различать событие и его позднейшее оформление. Рассказ о выступлении перед Державиным передавался в воспоминаниях, прежде всего в записках Ивана Пущина, записанных спустя много лет после лицейских событий. В разных пересказах меняются подробности: как именно Державин отреагировал, успел ли поговорить с Пушкиным, куда тот исчез после чтения. Поэтому эффектные детали не стоит принимать за стенограмму. Но основа эпизода — выступление молодого Пушкина на экзамене и присутствие Державина — принадлежит лицейской памяти не случайно. Именно так товарищи поняли значимость момента: один из них впервые громко прозвучал перед человеком, воплощавшим большую русскую поэтическую эпоху.

И это не означало, что Пушкин в тот день вдруг стал великим. Скорее, он получил подтверждение: его голос слышен за пределами ближайшего круга. «Воспоминания в Царском Селе» показывают поэта, который ещё учится говорить в высокой, исторической манере. Он смотрит на родной пейзаж и связывает его с памятью о стране. Здесь уже есть энергия, но ещё видны литературные образцы, которым юноша подражает. Взросление поэта — не переход от отсутствия дара к готовому шедевру; это путь от сильного желания писать к умению выбирать, что именно должно остаться в стихе.

Полезно заметить и другую сторону экзамена. Пушкин не читал в пустой комнате. Его слушали преподаватели, товарищи и знаменитый старший поэт. Публичное выступление превращало личный труд в событие. Позже в жизни Пушкина таких аудиторий станет много — от журнальной публики до политических читателей. Здесь был один из первых опытов: слово произнесено, оно уже не принадлежит автору целиком.

Практика читателя. Возьмите работу, которую давно откладываете: небольшой текст, рисунок, доклад, рабочую идею. Доведите её до законченного черновика и покажите одному человеку, чьё мнение способно быть полезным. Попросите не общую оценку «нравится — не нравится», а два ответа: что запомнилось и где мысль теряется. Так талант перестаёт быть тайным предположением о себе и становится ремеслом, которое можно улучшать.

Шесть лет заканчиваются

В 1817 году лицейский курс завершился. Для Пушкина за стенами школы начинался Петербург и служба в Коллегии иностранных дел. Для товарищей тоже открывались разные дороги. Закрытый распорядок, общий класс и привычный коридор оставались позади. Теперь дружбу нужно было поддерживать без ежедневной близости, а взросление — проходить без школьного расписания.

Лицейское сообщество не исчезло в момент выпуска. Оно превратилось в память, переписку, редкие встречи, взаимное узнавание. Позднее 19 октября станет для Пушкина важной датой возвращения к общему прошлому; он посвятит ей стихи. Но эта будущая ностальгия не должна затмевать сам лицей. Он был не только утраченной молодостью. Это было место, где

юный поэт встретил равных, научился жить рядом с чужими голосами и впервые увидел, что написанное может быть прочитано, оценено и запомнено.

Легенда любит одиночек: гений будто бы появляется из ниоткуда и сам прокладывает себе дорогу. История лицея говорит о другом. Пушкин был одарён, но его взросление происходило среди людей, книг, уроков, споров и первых читателей. Дружба не написала за него стихов; она дала им адрес. Соперничество не породило талант; оно помогало ему становиться точнее. А дисциплина лицейской жизни напоминала, что свобода голоса начинается не с отказа от труда, а с умения придать мысли форму.

Выпуская Пушкина в большую жизнь, лицей не завершил его становление. Он только убрал привычные стены. Впереди были петербургская известность, вольные стихи и риск говорить вслух там, где от слова могли потребовать ответа.

Петербургская молодость: первая слава, вольные стихи и политический риск (1817–1820)

Стихотворение ещё не прошло через типографию, но уже путешествует по Петербургу: один человек переписал его для друга, другой прочёл вслух в гостиной, третий запомнил несколько строк и повторил их в новом кругу. Так слово могло получить аудиторию прежде, чем получало печатную страницу. А вместе с аудиторией — и риск: рукопись переходила из рук в руки, но не оставалась под контролем автора.

Это не означает, что в Петербурге Пушкина вообще ничего не печатали. Его ранние стихи появлялись в журналах ещё в лицейские годы. Но самые острые произведения 1817–1819 годов — те, что говорили о самовластии, законе и крепостной зависимости, — жили прежде всего в списках и чтении вслух. Чтобы понять, почему молодого поэта стали замечать не только литераторы, важно увидеть не одну-единственную опасную строку, а весь путь, который она могла пройти.

Лицейский выпуск 1817 года не вывел Пушкина из литературы в «настоящую жизнь». Он перенёс его из одного тесного круга в другой, гораздо более широкий и непредсказуемый. Пушкин был определён на службу в Коллегию иностранных дел и получил чин коллежского секретаря. Служба придавала молодому дворянину положенный общественный статус, но не превращала его в усердного чиновника, строящего дипломатическую карьеру. Его главной работой становилось другое: стихи, чтение, споры, знакомства, участие в столичной литературной жизни.

Петербург тех лет был городом перекрёстков. Здесь встречались придворная культура и журнальная полемика, государственная служба и частные салоны, старшие писатели и поколение молодых дворян, воспитанных на европейской литературе и разговорах о реформах. Пушкин входил в круги Карамзина, Жуковского, Вяземского, Батюшкова, Чаадаева, общался с бывшими лицеистами и литераторами своего возраста. Общество «Арзамас» связывало его с борьбой за новый литературный язык и с насмешливым сопротивлением книжной тяжести. Вольное общество любителей российской словесности было частью более широкого пространства, где обсуждали не только удачные рифмы, но и то, что русская литература вправе говорить о современности.

Литературная жизнь не была отдельной от политической. В Петербурге действовали кружки, где разговор мог переходить от поэзии к устройству государства и обратно. Одним из таких объединений была «Зелёная лампа», собиравшаяся у Никиты Всеволожского и связанная личными контактами с участниками тайного Союза благоденствия. Но здесь важна осторожность: связь с людьми из политических обществ не доказывает членства в них каждого посетителя. Пушкин не был установленным членом декабристской организации. Не следует задним числом делать из него участника восстания, до которого оставалось несколько лет, или превращать каждое литературное собрание в тайное заседание заговорщиков.

Однако и изображать молодого поэта человеком, совершенно равнодушным к политике, было бы неверно. Он жил в среде, где вопрос о свободе, законе и крепостном праве звучал не как отвлечённая тема. После Отечественной войны 1812 года многие ожидали перемен. Дворяне обсуждали устройство государства, положение крестьян, будущее реформ; часть из них создавала тайные общества. Власть одновременно говорила о порядке и опасалась распространения революционных идей. Европейские потрясения усиливали тревогу. Поэт мог вовсе не писать политическую программу, чтобы его стихи прочли политически.

Посмотрим, как действовала рукописная цепочка:

автор → переписчик → салонный круг → читатель → чиновник.

На первом этапе автор создавал текст — но не обязательно единственную окончательную версию. Затем переписчик переносил его на бумагу: мог сохранить каждое слово, а мог ошибиться, сократить, добавить заглавие или изменить пунктуацию. Салонный круг превращал строки в событие: их читали вслух, обсуждали, запоминали. Новый читатель мог передать копию дальше, не зная автора лично. Наконец, текст мог попасть к человеку, который видел в нём не художественный жест, а политическое свидетельство.

Ни один из этих переходов не был автоматическим. Не всякая рукопись становилась известной городу, а путь конкретного списка часто невозможно восстановить полностью. Но сам механизм делал частное стихотворение общественным. Автор не мог заранее знать, кто окажется последним читателем и кому именно тот перескажет услышанное.

В 1817 году Пушкин написал оду «Вольность». Уже само название звучало как приглашение к политическому прочтению. Поэт обращался не только к личному переживанию, но и к закону, власти, ответственности правителя. В стихотворении заметна традиция гражданской оды и античные образы борьбы с тиранией. Это важно: перед нами не программа политической партии, изложенная современным языком, а поэтическая речь своей эпохи — торжественная, условная, опирающаяся на риторические модели и исторические примеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.